

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 12–42.

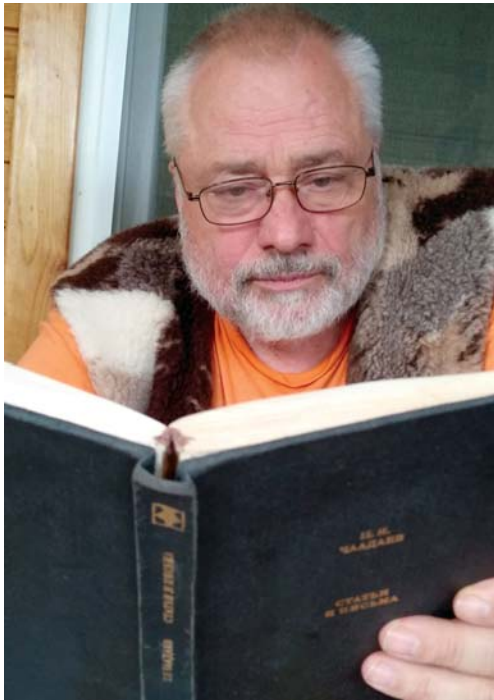
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 1. P. 12–42.

Научная статья / Original article

УДК 94(47).073+94(47).081

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-12-42

ГЕРЦЕН: СОЧИНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Владимир Карлович Кантор

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

 Аннотация. Основная идея статьи — анализ творчества и судьбы русского мыслителя Александра Ивановича Герцена (1812–1870), посвятившего свою жизнь борьбе с русской империей. Автор выстраивает цепь событий: от «аннибаловой клятвы» юных Герцена и Огарева (1827), замечая, что карфагенянин Ганнибал клялся разрушить враждебное государство, русские же подростки посвятили себя разрушению своей империи. Затем развитию бакунинского кредо в 1847 году: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» и практическими действиями уже в Лондоне, где Герцен организовал Вольную русскую типографию. Главный тезис автора — в сравнении «с другого берега» Герцену хорошо была видна слабость Российской империи, что он отчетливо

© Кантор В. К., 2024

сформулировал в книге о развитии революционных идей (1852). Но проблема этого времени состояла в том, что таких идей еще не было. Их придумал и обратил в текст Герцен. Оппозиционность самодержавию образованных людей он превращает в напор революционной воли («призыв к топору», жертвенности молодых революционеров и т. п.). Клятва молодости Герцена осталась на страницах «Колокола» и в его текстах. Молодые разрушители-бесы ответили на его идеи созданием революционных обществ, прокламациями и призывами к реальному действию против власти, убийствами и проч. В письмах «К старому товарищу» (1869) Герцен сочиняет нечто вроде завещания, наполненного трагическими фразами в защиту норм социальной жизни. Это — заклинание, обращенное к бесам, призыв к цивилизованности. Но прежде всего это отречение от себя прежнего: «Дальше я не пойду теперь». Нечаев, узнав о последнем тексте Герцена, на бланке «Народная расправа» отправил Н. А. Тучковой-Огаревой и сыну Герцена письмо с угрозами и требованием не печатать этого текста. Семья Герцена поступила мужественно и текст опубликовала. Автор приходит к выводу, что именно Герцен своими идеями инициировал движение молодых радикалов, которые от его слов перешли к кровавым действиям.

Ключевые слова: Герцен, Бакунин, Грановский, Нечаев, бесы, безумие, трихины, дьявол, мятеж

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Герцен: сочинение революционной ситуации в России // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 12–42. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-12-42.

From the Editor

**HERZEN: THE COMPOSITION
OF THE REVOLUTIONARY SITUATION IN RUSSIA**

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. Russian philosopher Alexander Ivanovich Herzen (1812–1870), who devoted his life to the struggle against the Russian Empire, is the main idea of the article. The author builds a chain of events: from the “annibal oath” of the young Herzen and Ogarev (1827), noting that the Carthaginian Hannibal swore to destroy a hostile state, while Russian teenagers devoted themselves to the destruction of their empire. Then the development of Bakunin’s credo in 1847: “The passion for destruction is at the same time a creative passion!” and practical actions in London, where Herzen organized a Free Russian printing house. The main thesis of the author is that in comparison “from the other shore” Herzen clearly saw the weakness of the Russian Empire, which he clearly formulated in a book on the development of revolutionary ideas (1852). But the problem at that time was that there were no such ideas yet. They were invented and turned into text by Herzen. He turns the opposition to the autocracy of educated people into the pressure of the revolutionary will (the “call to the axe”, the sacrifice of young revolutionaries, etc.). The oath of Herzen’s youth remained on the pages of “The Bell” and in his texts. The young demon destroyers responded to his ideas by creating revolutionary societies, proclamations and calls for real action against the government, murders, and so on. In the letters “To an old Comrade” (1869), Herzen composes something like a testament filled with tragic phrases in defense of the norms of social life. This is a spell addressed to demons, a call to civilization. But above all, it is a renunciation of the former self: “I will not go any further now.” Nechaev, having learned about Herzen’s latest text, sent N. A. Tuchkova-Ogareva and Herzen’s son a letter on the letterhead “People’s Massacre” with threats and a demand not to print this text. Herzen’s family acted courageously and published the text. The author comes to the conclusion that it was Herzen who initiated the movement of young radicals with his ideas, who turned from his words to bloody actions.

Keywords: Herzen, Bakunin, Granovsky, Nechaev, demons, madness, trichins, devil, rebellion

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2024) “Herzen: The composition of the revolutionary situation in Russia”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(1), pp. 12–42. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-12-42.

Одним из самых значимых и влиятельных писателей и мыслителей России в 1840–1860-е годы был Герцен, которого, говоря словами Ленина, разбудили декабристы, а он всеми силами старался разрушить русскую империю, что радикалы ставили ему в великую заслугу. Но необходимо понять, чего добились декабристы. Об этом слова умных современников. Начну с Тютчева:

14-ое декабря 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
<...>
О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железнаядохнула —
И не осталось и следов.
1826

[Тютчев, 2002, с. 56]

Чаадаев в своем первом «Философическом письме» написал: «Великий монарх, приобщая нас к своей славной судьбе, провел нас победителями от края до края Европы; вернувшись из этого триумфального шествия по самым просвещённым странам мира, мы принесли с собой одни только дурные понятия и губительные заблуждения, последствием которых была катастрофа, откинувшая нас на полвека назад» [Чаадаев, 1989, с. 25]. А Пушкин в 1826 году назвал замыслы тайных обществ «кровавыми и безумными» [Пушкин, 1958–1962, т. 7, с. 355]. Двигаясь дальше, не забудем определение Чаадаевым декабристского мятежа как катастрофы, а также пушкинское понимание их замыслов как кровавых и безумных.

Конечно, у Пушкина были строчки «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье...» и «Нас было много на челне...», но уже в десятой, неопубликованной главе «Евгения Онегина» он ироничнее и мудрее:

Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов...

[Пушкин, 1958–1962, т. 4, с. 198]

К сожалению, «забавы взрослых шалунов» приводят к взрослой катастрофе. Вывод офицерами солдат на Сенатскую площадь (в каком-то смысле подражание восстанию испанского генерала Риего) привел к усилению самодержавия. Не говорю уж о гибели понапрасну солдат и офицеров. Но в 1827 году два подростка — пятнадцатилетний Герцен и четырнадцатилетний Огарев — поклялись посвятить всю свою жизнь борьбе с русской империей, казнившей благородных декабристов.

Стоит, однако, уйдя от мальчишеских, либеральных, радикальных и советских оценок, вспомнить, что эпоха реформ, и без того слабеющих, в результате этого по сути своей провокативного мятежа окончательно сошла на нет, наступило настоящее самовластье.

Подростки назвали свою клятву «аннибаловой клятвой». Об этом с придыханием писали исследователи русского революционного движения. Но что такое эта самая аннибалова клятва? По преданию сын карфагенского полководца Гамилькара по имени Ганнибал (247–183 до н. э.) еще мальчиком дал отцу клятву всю жизнь быть непримиримым врагом Рима. И вправду чуть было не разрушил Рим. Но Римская империя оказалась сильнее, и, потерпев поражение, великий Ганнибал был по собственной просьбе убит своим слугой. Героическая история! Но все же стоит понимать, что карфагенинин Ганнибал клялся разрушить *враждебное государство*, а русские подростки обещали посвятить себя разрушению *своего государства*. Разница принципиальная! Герцен хотел разрушить русскую империю, хотя понимал, что Петр создал Россию, создав империю. То есть, борясь с империей, он борется с Россией, думает об уничтожении империи, но, по сути дела, об уничтожении России. Эта безумная идея породила и его интерес к историческому безумию.

Всю свою жизнь подростки вроде бы были верны этой клятве. Они поклялись посвятить свою жизнь разрушению империи, как когда-то Ганнибал мечтал разрушить Рим. Последствия разрушения империи — хаос, горе, прине-

Памятник на предполагаемом месте клятвы Герцена и Огарева

сенное сотням тысяч людей, лишенных своего места жительства и ушедших в изгнание, и проч. — они даже и в соображение не брали. Нечто подобное и вправду случилось после распада Российской империи: несколько миллионов бежавших, спасаясь от гибели, в чужие страны, страшное изгнание, не эмиграция богатого барина, а голодное, нищее скитальчество и десятки миллионов испытывавших ужасы Гражданской войны. Радикалы-разрушители, как правило, о последствиях не думают.

Ведущим в этой паре был Герцен, незаконный сын богатейшего помещика тех лет Ивана Алексеевича Яковлева и шестнадцатилетней немецкой девушки Луизы Гааг. Русский дворянин соблазнил ее и уже беременную под видом мальчика-слуги вывез в Россию, поселил в своем особняке, так что юный бастард не очень чувствовал свою неукорененность.

Примем во внимание воспоминание сына Герцена Александра: «Да очень просто. Моя бабушка со стороны отца была еврейка [то есть мать А. И. Герцена Генриетта-Вильгельмина-Луиза Гааг]» [Бен-Ами, 1915, с. 366]. Альфред фон Вюрцбах, известный как кропотливый автор биографий знаменитых людей, уточнил: Генриетта Гааг была лютеранкой из семьи с еврейскими предками. У отца подростка, думавшего о революционной ситуации, было много незаконных отпрысков мужского пола, которые, как вспоминали современники, бегали во дворе его имения. Он так и не обвенчался с вывезенной из Германии девушкой, но сыну дал фамилию Герцен (от слова Herz, сердце) и сделал его наследником своего огромного состояния.

Луиза Гааг (1795–1851)

Иван Алексеевич Яковлев (1767–1846)

Герцен, по сути дела, вел жизнь избалованного мажора. Он пережил несколько ссылок: Пермь, Вятка, Новгород, Владимир. Но везде он получал неплохие должности, жил в хороших съемных квартирах. 1835–1837 (Вятка). Как пишет исследователь, «Александр приехал в Вятку с мешком папиных денег и гардеробом от кутюр. Привез даже ящики с французским игристым вином. Настоящий комильфо. Через полгода Герцен в Вятке был уже не один — сюда же сослали опального архитектора Витберга. Вдвоем им было не так скучно мотать срок в хлыновском заточении. Герцен пригласил нового друга поселиться вместе с ним в доме купца Мамаева на улице Московской» [Ульянов, 2013]. Конечно, множество романов, о некоторых он рассказал в своих мемуарах.

После смерти отца, войдя в права наследства, заложив земли и своих крепостных крестьян, «крещеную собственность» — по выражению Герцена, он в 1847 году уезжает на За-

А. Збруев. Портрет А. И. Герцена. 1832

пад. Полученные за крепостных деньги, как и деньги матери, на всякий случай он перевел в банк барона Джеймса Ротшильда, что оказалось политически и экономически разумно. И когда в 1850 году император потребовал возвращения Герцена в Россию, на защиту его состояния выступил барон Ротшильд. И император отступил.

А потом на эти деньги, которые он брал теперь у барона, Герцен в 1853 году в Лондоне основал Вольную русскую типографию. В этом же году началась Крымская война, когда Запад рассчитывал сломать русскую империю, о чем мечтали революционеры, в том числе и Маркс с Энгельсом. Их постоянный противник Герцен мечтал об этом же. И прокламации Вольной типографии, проклиная русскую власть, отсылались в Крым, в Севастополь. После поражения России в Крымской войне Герцен начинает в 1857 году свой знаменитый «Колокол», где правдивая информация перемежалась призывами к топору. Но необходимо не забывать еще и интеллектуальную провокацию, на которую романтически настроенный Герцен купился.

В 1847 году его друг Бакунин сформулировал свое кредо: «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» [Бакунин, 2010, с. 73].

Так смело объявить себя сторонником дьявола было по тем временам, когда вся Европа все еще жила в христианской идее, невероятной дерзостью и вызовом как России, так и Европе. Почему же Герцен поддержал эту идею Бакунина? Конечно, дьявол мог казаться Герцену

Джеймс Ротшильд (1792–1868)

Генрих Детлеф Митрейтер.
Портрет М. А. Бакунина. 1843

персонажем романтической литературы. Но суть его оставалась все той же — носитель зла.

Не забудем при этом, что колокол должен пробуждать людей к Богу, а не звать к убийству и смерти.

Герцен подхватил эту идею, ибо аннибалова клятва предполагала страсть к разрушению. Что поставить вместо разрушенной империи, Герцен не очень думал. Похоже, что следом за Бакуниным он верил в Сатану, в Вельзевула, а в Бога не верил. И противопоставить Сатане было некого. Сатана дал ему удивительно легкое перо.

Герцен часто цитирует Ветхий и Новый Завет. Но безо всякой веры в Бога, просто как художественные произведения, имеющие культурное значение. Стоит привести его разговор с Хомяковым из «Былого и дум»:

— Ну, вы, по крайней мере, последовательны; однако как человеку надобно свихнуть себе душу, чтоб примириться с этими печальными выводами вашей науки и привыкнуть к ним!

— Докажите мне, что *не-наука* ваша истиннее, и я приму ее также откровенно и безбоязненно, к чему бы она меня ни привела, хоть к Иверской.

— Для этого надобно веру.

— Но, Алексей Степанович, вы знаете: «На нет и суда нет».

[Герцен, 1954–1966, т. IX, с. 158]

Но если не Бог, то кто? Дьявол? Ведь атеистом Герцен не был. Вместе с адептом дьявола Бакуниным он поддержал восставших поляков, врагов России, спасая, как ему казалось, «честь имени русского», поляков, вырезавших русских солдат, поддержал Молодую Россию, грозившую императору и его семье смертью. Лишь бы развалить империю. Он, конечно, не был сыном Гамилькара, но чувствовал себя в каком-то смысле равным императору, поэтому смел бодаться с ним. Напомню, что Герцен по отцу был в родстве с домом Романовых. Была мечта стать Александром Македонским и развалить великую империю — Римскую, Персидскую, а точнее — Российскую. Не случаен его творческий псевдоним Искандер, то есть Македонский, который вроде бы мог покорить Рим. Но у Герцена речь шла о развале Российской империи. Вначале с помощью западных революций, потом (после разочарования в Западе) с помощью революционно распропагандированного народа.

Его главный роман называется «Кто виноват?». Обычно добавляют, как бы в шутку, название второго знаменитого романа тех лет — «Что делать?» Чернышевского. Сопоставление их очень важное, если вдуматься. *Кто виноват?*

Вопрос обвинителя. Кто? Бог, мироздание, Россия? А *что делать?* — это вопрос реформатора.

Но роман Герцена породил героя, ставшего alter ego писателя. Как пишут современные исследователи, доктор Крупов — герой нескольких произведений Герцена. Он — тип и характер не то в романе, не то в повести «Кто виноват?». Сам автор назвал свое сочинение повестью, но в отдельных изданиях публиковал его как роман. (...) От его лица написана повесть, опубликованная в журнале «Современник» за 1847 г. под названием «Из сочинения доктора Крупова “О душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности”», но более известная как «Доктор Крупов». Позже Герцен еще несколько раз возвращался к повести, в том числе вспомнив своего героя в трактате «*Arphorismata* по поводу психиатрической теории д-ра медицины и хирургии С. И. Крупова. Сочинение Тита Левиафанского, прозектора и адъютант-профессора» (1869).

Доктор Крупов был не просто умным врачом, вроде чеховского Самойленко из «Дуэли» или лермонтовского Вернера, он выдвинул концепцию исторического развития, ошеломляющую на первый взгляд, но далее подкупающую справедливостью наблюдений:

Что бы историческое я ни начинал читать, везде, во все времена открывал я разные безумия, которые соединялись в одно всемирное хроническое сумасшествие. Тита Ливия я брал или Муратори, Тацита или Гиббона — никакой разницы: все они, равно как и наш отечественный историк Карамзин, — все доказывают одно: что история не что иное, как связный рассказ родового, хронического безумия и его медленного излечения (этот рассказ дает по наведению полное право надеяться, что через тысячу лет двумя-тремя безумиями будет меньше). Истинно, не считаю нужным приводить примеры; их миллионы. Разверните какую хотите историю, везде вас поразит, что вместо действительных интересов всем заправляют мнимые, фантастические интересы; взглядитесь, из-за чего льется кровь, из-за чего несут крайность, что восхваляют, что порицают, — и вы ясно убедитесь в печальной на первый взгляд истине — и истине, полной утешения на второй взгляд, что все это следствие расстройства умственных способностей. Куда ни взглянешь в древнем мире, везде безумие почти так же очевидно, как в новом. Тут Курций бросается в яму для спасения города, там отец приносит дочь на жертву, чтобы был попутный ветер, и нашел старого дурака, который прирезал бедную девушку, — и этого бешеного не посадили на цепь, не свезли в желтый дом, а признали за первосвященника.

[Герцен, 1954–1966, т. IV, с. 263]

Тимофей Николаевич Грановский
(1813–1855)

Отсюда следовал для Герцена, я полагаю, вывод, что любое историческое действие, чтобы состояться и победить, должно в себе содержать элемент безумия.

Эти рассуждения покорили интеллектуальных друзей Герцена, Белинский был в восторге, а Грановский написал: «И потом твой Крупов! Я его слышал от тебя прежде, но он мало произвел на меня впечатления, не знаю почему. В “Современнике” он напечатан с большими выпусками, а я не могу его начитаться. Знаешь ли, что это гениальная вещь. Давно я не испытывал такого наслаждения, какое он мне дал. Так шутил Вольтер во время оно, но в Крупове более теплоты и поэзии» [Т. Н. Грановский — Герцену, 1955, с. 92].

Как же шутил Вольтер? Вроде тема та же, но у французского философа как-то все очень придумано, все вне истории, как бы в безвоздушном пространстве.

Микромегас, молодой человек, обитатель звезды Сириус, к 450 годам — на пороге отрочества — занялся анатомическими исследованиями и написал книгу. Книгу объявили запрещенной, а автор получил приказ не являться ко двору в течение 800 лет. Герой отправляется путешествовать по разным планетам. И добирается до Земли.

Земной философ говорит ему:

Всё человечество, за очень небольшим исключением, (...) это свора безумцев, злодеев и несчастных.

Материального в нас, — добавил он, — вполне достаточно, чтобы беспрерывно творить зло, если принять, что оно — порождение материи; но если зло — порождение духа, то и духовного в нас хватает с избытком. Знайте, что сейчас, пока мы с вами разговариваем, сто тысяч безумцев, принадлежащих к человеческому роду и носящих шляпы, и сто тысяч безумцев той же разновидности, но носящих чалмы, яростно убивают друг друга. И такое с незапамятных времен происходит по всей Земле.

[Вольтер, 1985, с. 138]

Грановский был не совсем прав. То, что у Вольтера виделось игрой ума, у Герцена было насыщено исторической плотью. И в ответ на безумный при-

Александр Иванович Герцен и Наталья Александровна Герцен

звив Бакунина обратиться за помощью к нечистому духу, он бросает на дьявольские весы Россию. Он выпускает в 1851–1852 годах книгу на двух языках — на французском «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» и русском «О развитии революционных идей в России».

Но чуть раньше он пишет абсолютно дьявольские и безумные слова в связи с Россией:

Что выйдет из этой крови? — кто знает; но что бы ни вышло, довольно, что в этом разгаре бешенства, мести, раздора, возмездия погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий ему жить, мешающий водвориться будущему, — и это прекрасно, а потому — да здравствует хаос и разрушение!

Vive la mort¹!

И да водружится будущее!

Париж, 24 июля 1848 г.

[Герцен, 1954–1966, т. VI, с. 48]

Зададимся простым вопросом: какое будущее может вырасти из смерти? Разве что нежить... Как мы знаем, нежить и выросла: нечаевщина!

Но так нельзя — ради позы призывать смерть и кричать ей здравие. Такого рода заклинания-призывы имеют обыкновение исполняться. Как известно, 16 ноября 1851 года около Гиерского архипелага в результате столкновения с

¹ Да здравствует смерть! (*фр.*).

Эмма и Георг Гервеги

другим кораблем затонул пароход «Город Грасс», на котором плыли из Марселя в Ниццу мать Герцена Луиза Ивановна и его глухой от рождения сын Николай со своим воспитателем Иоганном Шпильманом; они погибли, и их тела никогда не были найдены.

Потрясенная этой гибелью, 2 мая 1852 года в родах умерла его жена Наталья Александровна, умер и младенец, возможно, сын поэта Гервега, с которым у нее был трагический роман. Интересно, что Гервеги и Герцены жили в одном доме в Ницце.

От дуэли с Гервегом Герцен отказался, говоря, что необходим суд чести демократической общественности. Такой суд не состоялся, но ситуация побудила Герцена взяться за написание истории своей жизни. Так появились гениальные «Былое и думы».

После смерти жены Герцен переезжает в Лондон, начинается эпоха Вольной русской типографии. Кроме писания мемуаров, он со страстью безумца ищет слабые точки империи, которые, как ему кажется, он отчетливее сможет разглядеть «с другого берега». И главным ударом тех лет стала его книга о развитии революционных идей. Таких идей не было, но их надо было создать. И обычная легкая оппозиционность образованных людей превращается под его пером в революционный напор, когда он, как с негодованием писал Грановский, уверял Европу в существовании в стране сильной либеральной партии. Грановский определил текст Герцена «как несчастную книгу о России». Можно добавить — и нечестную.

Надо сказать, что книга опубликована с посвящением «Нашему другу МИХАИЛУ БАКУНИНУ». Энгельс, прочитавший эту книгу, воспринял ее как рекламу несуществующей революционной партии во главе с Герценом и Бакуниным. Но российские друзья Герцена были просто напуганы. Позволю большую цитату из воспоминаний П. В. Анненкова, автора многих книг о русских литераторах, а главное — издателя рукописей поэта, сохранившихся у Наталии Николаевны Ланской, вдовы Пушкина, давшего русскому читателю поздние и зрелые его произведения. После прочтения анненковского Пушкина Аполлон Григорьев произнес знаменитую фразу: «Пушкин — наше всё».

А цитата вот такая:

Что касается собственно до брошюры Герцена, то, за исключением остроумных и, по обыкновению, весьма живых характеристик исторических эпох и лиц, она в главной теме своей ничего не представляет, кроме отчаянного пустословия. Эту брошюрой Герцен, уже эмигрировавший, начинал кокетничать перед Европой, перед клубами и либералами, не известною им землей, своею ролью в ней, своими приятелями, таинственными элементами, в ней бродящими, из которых маленький экземпляр «мы есмы». Впоследствии эта тенденция развилась до лжи и фальши непостижимых, а затем, когда сама жизнь ясно обнаружила пустоту гипотезы и лучшие головы не захотели поддерживать ее деятельностью практической, наступила для него пора слепого бешенства против всего, всех и, наконец, даже против национального чувства страны — до инстинктов самосохранения. Оставался народ: на того публицист

Павел Васильевич Анненков
(1813–1887)

и перенес воображаемые элементы революционерства, социализма, коммунизма. Это было покойнее; можно было делать себя представителем великих идей всесветного обновления, существующих в России без всяких опасений, без всякой оглядки: народ ведь не отвечает, народ молчит обыкновенно и в препиране с своими комментаторами никогда не входит. В самом деле, кому, кроме Герцена, блестящего и вместе фальшивого ума, можно было принять партию Белинского, Грановского и других за революционеров в смысле европейском и все их требования и представления об облегчении страдающих классов, об уменьшении произвола, о водворении первых начал гражданской жизни, о распространении просвещения,

умягчении нравов, искоренении суеверия и лицемерия, уважении к мысли, сближении с Европой и ее наукой — за монтаньярство, бабефство, товарищество с открывателями новых политических горизонтов? Раздувая так скромные русские, благородные и глубоко симпатичные кружки, Герцен раздувал, естественно, самого себя, но он повредил тем, кого прославлял. С него в самой публике, а не в одних только официальных сферах, стали думать, что все лепечущее, так сказать, первые склады публичной жизни, все отвергающее только мрак, неистовства, распутства и грабежи сложившейся администрации — есть революция, катаклизм и анархия. Добро бы Герцен ограничился декабристами, — тех раздувать можно во все стороны, потому что они сами не знали, куда идут, откуда вышли и чего хотели, да никто и теперь этого не знает.

[Анненков, 1989, с. 509–510]

К этому стоит добавить и менторский тон своего рода партийного руководителя. Вот, к примеру, о Карамзине:

Великое творение Карамзина, памятник, воздвигнутый им для потомства, — это двенадцать томов русской истории. Его история, над которой он добросовестно работал полжизни и разбор которой не входит в наши планы, весьма содействовала обращению умов к изучению отечества. Если подумать о хаосе, царившем в русской истории до Карамзина, и о том труде, которого ему стоило в нем разобраться и дать ясное и правдивое изложение предмета, то станет понятно, как несправедливо было бы умолчать о его заслугах.

Но Карамзину не хватало того саркастического элемента, который от Фонвизина перешел к Крылову и даже к Дмитриеву — задушевному другу Карамзина. В мягком и доброжелательном Карамзине было что-то немецкое. Можно было заранее предсказать, что из-за своей сентиментальности Карамзин попадет в императорские сети, как попался позже поэт Жуковский.

[Герцен, 1954–1966, т. VII, с. 191]

Это «но» характерно. Карамзин как историк понимал, что Россию создало и скрепило самодержавие, он видел кошмары Французской революции. Но Герцен хотел осудить власть, поэтому, как написал Анненков, апеллировал к неизвестному ему народу: «Идея великого самодержавия — это идея великого порабощения. Можно ли представить себе, чтобы шестидесятимиллионный народ существовал лишь затем, чтобы сделать реальностью (...) абсолютное рабство?» [Герцен, 1954–1966, т. VII, с. 192]. Народ был таким вампукой, которым можно было пугать.

Знак, указывающий, откуда пошла вольная русская пресса

Газета «Колокол», № 2. 1 августа 1857

Вольная русская типография пыталась будить, не народ, конечно, до народа его листки, журналы и книги не доходили, а провоцировать и пугать образованное общество. Герцен начал с издания альманаха «Полярная звезда», где печатал то, что не могло выйти в России, потом сборники «Голоса из России», куда стали писать его приятели-либералы, и, наконец, главный продукт его типографии — газета «Колокол» (1857–1867)

Но нельзя миновать судьбу тандема, не рассказать, как складывалась жизнь у Огарева. Он развелся с первой женой, достаточно откровенно изменявшей ему, женился в 1849 году на Наталье Алексеевне Тучковой, дочери декабриста. В 1856 году переезжает с ней в Лондон к Герцену, и Тучкова в следующем году становится гражданской женой Герцена, от которого рождает дочку Лизу и двоих сыновей, умерших в детстве. Почти император, который забирал себе приглянувшихся женщин своих сподвижников. Надо сказать, что дружеские отношения не прервались. Их спланивал «Колокол».

Тучкова-Огарева, Огарев, Герцен

Н. Н. Ге. Герцен. 1867

Впрочем, если и не император, то местоблюститель. Как написал замечательный мыслитель Ойген Розеншток-Хюсси, «Герцен звонил в “Колокол”, свой лондонский журнал. Будучи ссыльным, он давал аудиенции, как будущий регент. Знатные аристократы посещали “преступника” с величайшим почтением» [Розеншток-Хюсси, 1999, с. 50].

Забегая на несколько лет вперед, приведу один пассаж из газеты: 25-й номер «Колокола» от 1 октября 1858 года содержал «Письмо к редактору», с очевидным пафосом — давлением на правительственных реформаторов. Мол, не поторопитесь — хуже будет: «Слышите ли, бед-

няки, — нелепы ваши надежды на меня, — говорит вам царь. — На кого же надеяться теперь? На помещиков? Никак — они заодно с царем и царь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на крепость рук своих: *заострите топоры, да за дело — отменяйте крепостное право, по словам царя, снизу* (выделено мной. — В. К.)! За дело, ребята, будет ждать да мыкать горе: давно уже ждете, а чего дождались? У нас ежеминутно слышим: крестьяне наши — бараны! Да, бараны они до первого Пугача. (...) Бараны — не стали бы волками! Войском не осилить этих волков!».

Дьявольский призыв, ибо вспомним слова Пушкина: «Избави Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». У художника Ге есть портрет Герцена с очень странным лицом. Один глаз смотрит, второй в тени, нет открытого взгляда. Взгляд темного владыки. Возможно, это связано с трагическими судьбами детей. Последняя дочка Лиза покончила с собой в семнадцать лет. Ге писал портрет великого человека. Впрочем, стоит вспомнить мистические сочинения о портретах, в которых портреты становятся своеобразными дублями портретируемого. Напомню роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», в котором все преступления Дориана отпечатывались на лице портрета. Судьбу Герцена я и постарался увидеть в этом портрете.

В какой-то момент, разочаровавшись в Западе как носителе революционной энергии, Герцен решил, что революцию нужно ждать из России. Главной силой будет указанная Бакуниным красота смерти, о которой писал и Герцен.

Этот преступный эстетизм Герцена в подходе к общественной жизни в России очень хорошо увидел Борис Чичерин, блистательный историк, как и Герцен, выученик гегелевской философии, но прочитавший ее не как «алгебру революции», а как путь к реальной, обеспеченной всеми средствами свободе личности и преодолению произвола в жизни с помощью государства. Стоит внимательно вчитаться в его «Письмо к издателю “Колокола”», опубликованное в 1858 году, где впервые указывалось на того, кого общественность в те годы считала зовущим Русь «к топору»:

Вы к гражданским преобразованиям довольно равнодушны. Гражданственность, просвещение не представляются Вам драгоценным растением, которое надобно заботливо насаждать и терпеливо лелеять как лучший дар общественной жизни. Пусть все это унесется в роковой борьбе, пусть вместо уважения к праву и к закону водворится привычка хвататься за топор — Вы об этом мало тревожитесь. Вам во что бы ни стало нужна цель, а каким путем она достигается — безумным и кровавым или мирным и гражданским, это для Вас вопрос второстепенный. Чем бы дело ни развязалось — невообразимым актом самого дикого деспотизма или свирепым разгулом разъяренной толпы — Вы все подпишете, все благословите. Вы не только подпишете, Вы считаете даже неприличным отвращать подобный исход. В Ваших глазах это поэтический каприз истории, которому мешать неучтиво. Поэтический каприз истории!

Скажите, пожалуйста, когда Вы писали эти слова, как Вы на себя смотрели: как на политического деятеля, направляющего общество по разумному пути, или как на артиста, наблюдающего случайную игру событий? Политический деятель имеет в виду не только цель, но и средства. Зрелое обсуждение последних, точное соображение обстоятельств, избрание наилучшего пути при известном положении дел — вот в чем состоит его задача, и ею он отличается от мыслителя, изучающего общий ход истории, и от художника, наблюдающего движения человеческих страстей. То, что Вы называете поэтическим капризом истории, действием самой природы, есть дело

Владимир Шервуд.
Борис Николаевич Чичерин

рук человеческих. Сама природа здесь — Вы, я, третий, все, кто приносит свою лепту на общее дело. И на каждом из нас, на самых незаметных деятелях лежит священная обязанность беречь свое гражданское достоинство, успокаивать бунтующие страсти, отвращать кровавую развязку. Так ли Вы поступаете, Вы, которому Ваше положение дает более широкое и свободное поприще, нежели другим? Мы вправе спросить это у Вас, и какой дадите Вы ответ? Вы открываете страницы своего журнала безумным воззванием к дикой силе; Вы сами, стоя на другом берегу, со спокойной и презрительной иронией указываете нам на палку и на топор как на поэтические капризы, которым даже мешать неучтиво. Палка сверху и топор снизу — вот обыкновенный конец политической проповеди, действующей под внушением страсти! О, с этой стороны Вы встретите в России много сочувствия!

[Чичерин, 1998, с. 368]

Как вспоминает находившийся с Чернышевским на каторге человек: «Когда по какому-то поводу я заговорил о Герцене, то Николай Гаврилович с некоторым раздражением заметил:

— С этим человеком в последнее время я совершенно разошелся во взглядах. Посудите сами, сидит себе барином в Лондоне и составляет заговоры, в которые увлекает нашу молодежь. (...) Я советовал ему не трогать нашу молодежь и даже печатно высказался против него» [Рейнгардт, 1982, с. 391]. А обращения Герцена к студентам и впрямь звучали крайне радикально и безжалостно: «Не жалейте вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей истории, вами Россия входит во второе тысячелетие, которое легко, может быть, начнется с изгнания варягов за море» [Герцен, 1954–1966, т. XV, с. 185].

Одной из главных фигур, которую Герцен мог представить как почти революционера, был Белинский. Русское правительство поверило Герцену, поэтому и был арестован как революционер реальный продолжатель Белинского, реформатор Чернышевский. Герцен писал:

Общественная деятельность Белинского начинается лишь в 1841 году. Он захватил руководство «Отечественными записками» в Петербурге и в течение шести лет господствовал в журналистике. Он умер в 1848 году, изнемогший от усталости, полный отвращения, в самой крайней нищете.

Белинский много сделал для пропаганды (? — В. К.). На его статьях воспитывалась вся учащаяся молодежь. Он образовал эстетический вкус публики, он придавал силу мысли. (...) Его слог часто бывал угловат, но всегда полон энергии.

Он сообщал свою мысль с тою же страстью, с какою зачинал ее. В каждом его слове чувствуешь, что человек этот пишет своею кровью, чувствуешь, как он расточает свои силы и как он сжигает себя; болезненный, раздражительный, он не знал границ ни в любви, ни в ненависти. Часто он увлекался, порой бывал и весьма несправедлив, но всегда оставался до конца искренним.

[Герцен, 1954–1966, т. VII, с. 237–238]

И все же слишком велико было *эго Герцена*. Здесь стоит рассказать эпизод его бытовых взаимоотношений с Белинским. Всем памяты восторженные описания ярости и неистовства прямодушного и искреннего Белинского. Речь идет о вопросе бытового жизнеустройства, от которого по отношению к другим Герцен всегда отмахивался. Не забывая, однако, о себе. Для начала напомним роль Белинского как «передового бойца» западничества, открывавшего таланты, слову которого верили и писатели, именно он привлекал сотни и тысячи умов, ибо и вправду весь жил идеей, не играл в нее, не думал о хлебе насущном, в котором нуждался как никто из западников. Его роль жестоко определил Розанов: «В мокрой квартире, чахоточный, необычайно талантливый и благородный Белинский “таскал каштаны из огня” для миллионеров Герцена и Огарева, для темного кулака Некрасова с Панаевым и Краевским, и писал им нужные бешеные статьи» [Розанов, 2001, с. 64]. А затем он женился на воспитательнице из благородного пансиона, у него родилась дочь, взглядам он не изменил, но возникла потребность в заработке. И то, что великий критик связал свою жизнь с такой приземленной особой, стало немного раздражать его друзей.

Розанов далее комментирует: «Теперь подставьте-ка во всех его сочинениях вместо “Греч и Булгарин” другие и настоящие имена, с живой ненавистью и молча носимые Белинским, именно имена “Краевского и Некрасова”, да отчасти и “Герцена и Огарева” (вон Кетчеру эти филантропы купили сухонький домик и подарили; а сделай они то же или сделай подобное Белинскому — и он был бы спасен)» [Розанов, 2001, с. 65]. Интересно и окончание этой истории: друзья-миллионщики, у постели умершего критика поклявшись не оставить его семью без заботы, уже через несколько недель все обещания забыли. Зачем помогать мелкой *мещанке*?²

² Помог несчастной вдове купец Солдатенков, издавший в середине 1850-х годов собрание сочинений Белинского и значительный процент отдавший вдове критика. Получив деньги, она немедленно покинула Россию. И необходимо добавить имя Чернышевского, который в середине 1850-х, когда имя Белинского было запрещено, напечатал цикл статей «Очерки гоголевского периода русской литературы», в которых обильно цитировал Белинского, вначале не называя имени, а потом расшифровав имя лидера гоголевского периода.

А. Наумов. Н. А. Некрасов и И. И. Панаев у больного В. Г. Белинского. 1881

В 1862 году появилась прокламация Молодой России, в которой говорилось совершенно по-герценовски:

Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!» двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, то есть какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться, и это последнее вернее, что вся императорская партия, как один человек, встанет за государя. (...) В этом последнем случае, с полной верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: «в топоры», и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! (...) Кто будет не с нами, тот будет против; кто против — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами.

[Революционный радикализм в России, 1997, с. 149]

Останови Герцен с Огаревым (им ведь молодежь еще верила!) тогдашних молодых безумцев, «нравственных идиотов», как называл Бунин Ленина,

может, не было бы этого контрреволюционного первомайского убийства. Но их безумие не было остановлено Герценом, оно им подогревалось, словно он и впрямь не ведал, что творил. Называя их Карлами Моорами, он давал свое прочтение образа этого бандита и убийцы, немецкого варианта Стеньки Разина, только образованного Стеньки, недоучившегося студента. Тем самым как бы давал им в пример «благородного убийцу». Оправдание Герцену Катков видит только в безумии, ведь преступника от казни спасает только признание его буйнопомешанным. Вот Катков и пишет: «Издатели *Колокола*, спрашивают нас, какие они люди. Мы сказали. Честными ни в каком случае назвать их нельзя. *От бесчестия им одна отговорка — помешательство*» [Катков, 2009, с. 345].

Отказываясь во имя разбойничьего романтизма от идеи мирового разума Гегеля, от Бога, не ставя даже вопроса о теодицее, Герцен оказался поневоле в союзе с демоном, сначала карнавальным, трусливым Бакуниным, а потом и с жестоким Нечаевым. С. Л. Франк отметил отказ Герцена от принятия трудной работы под началом Бога, которая включает в себя и беды, и реальные несчастья. Герцен готов был принять Бога (как он хотел поначалу принять и Запад в качестве земли обетованной, то есть утопически и романтически), но при условии немедленного исполнения райской жизни на Земле. Он заранее разочаровался в Боге, потом в Западе с его *мещанством*. Демоны и их безумие казались надежнее Бога и западных устроителей своего быта, они вроде бы что-то хотели делать. Но вот что? После выстрела Каракозова это стало внятно до жути, и Герцен пишет о нем, подчеркивая безумие революционера: «Сумасшедший фанатик или озлобленный человек *из дворян* стреляет в государя» [Герцен, 1954–1966, т. XIX, с. 59]. И безумие вызывает у него уже не романтический восторг, а неподдельный ужас.

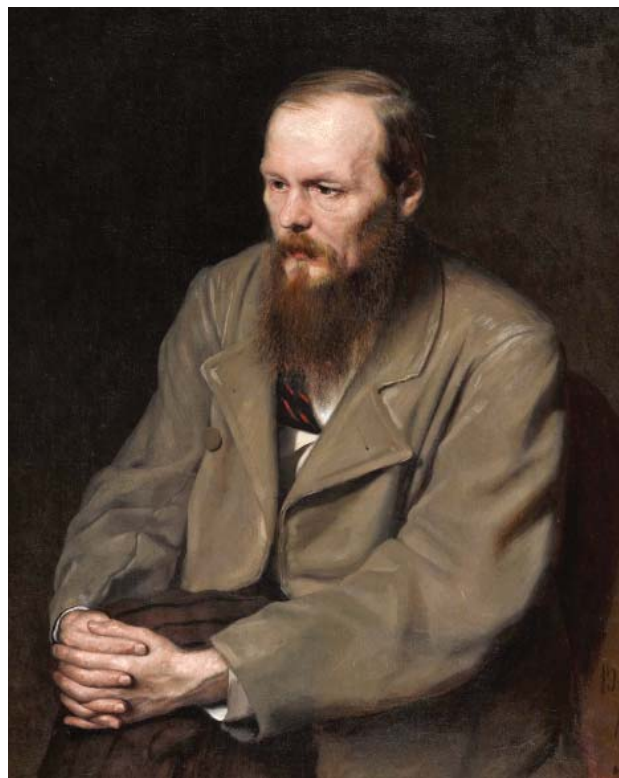
Уже в 1869 году он понимает совсем иначе роль безумия. Это не творческое преображение, это не развитие истории, это нечто иное: «Уничтожить и топтать всходы легче, чем торопить их рост. Тот, кто не хочет ждать и работать, тот идет по старой колее пророков и прорицателей, иересиархов, фанатиков и цеховых революционеров... *А всякое дело, совершающееся при пособии элементов безумных, мистических, фантастических, в последних выводах своих непременно будет иметь и безумные результаты* (курсив мой. — В. К.) рядом с дельными» [Герцен, 2010, с. 701]. Игра в Искандера и Карла Моора кончилась.

Поразительно, что тема сводящих человечество с ума «трихин», прозвучавшая в «Преступлении и наказании», возникает у Герцена в 1869 году в одной из последних его повестей «APHORISMATA», где изображен прозектор Тит Левиафанский, второе издание доктора Крупова и новое alter ego Герцена:

«Когда я перевел первый афоризм, я испугался, но вскоре догадался, что прозектор “лично” сумасшедший, в доказательство чего и печатаю переводный отрывок. Батюшка полагает, что в прозектора вторгся Вельсевул — тот самый, который некогда был сослан в свиней. Может быть! Спорить не стану, — а я все думал, что он давно истрачен на *трихины*» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 1, с. 112]. Замечу, что тут есть и угадка о еще не написанных «Бесах» и что параллельно Герцен пишет письма «К старому товарищу» с предупреждением против надвигающейся бесовщины. А трихины уже вошли в окружение Герцена. И самоназвание «Вельсевул» звучит трагически на фоне его фразы из предсмертного дневника: «И я и Огарев пришли к темному окончанию» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 609].

Похоже, что Герцен подхватил слова Достоевского о трихинах в каторжном сне Раскольникова (1866):

Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслышанной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправ-

В. Г. Перов. Портрет Достоевского. 1872
(в момент писания «Бесов»)

дывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти в во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.

[Достоевский, 2016, с. 470–471]

Герцен весь 1869 год сочиняет свои письма «К старому товарищу». Формально письмо обращено к его бывшему другу и нынешнему покровителю Нечаева — Бакунину. Это письмо — отречение от себя прежнего: «Дальше я не пойду теперь».

Такая позиция вызвана явным перевесом в тот момент «левых радикалов» в русском революционном движении, радикалов, не только грозивших разрушить всю культуру прошлого, но и вообще перечеркнуть историю: не случайна ориентация Нечаева на Бакунина с его идеей анархического насильственного разрушения. Но Герцен, указывая на беспочвенность и утопизм бакунинских построений, задает иронический и вместе страшный вопрос Бакунину о *методах* его будущего устройства: «Не начать ли новую жизнь с сохранения социального корпуса жандармов?» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 585]. Доверие к живой жизни народа, небоязнь услышать его голос, даже если он будет консервативным³ и не осуществит возлагаемых надежд на его якобы общинно-коммунистическую структуру, теперь явно приближали его к позиции Чернышевского и Добролюбова, стремившихся понять народ в его реальном бытии, а потому и не идеализировавших его. Теория должна опираться

³ Анархисты, писал он, «полагают возможным начать экономический переворот с *tabula rasa*, с выжиганья дотла всего исторического поля, не догадываясь, что поле это с своими колосьями и плевелами составляет всю непосредственную почву народа, всю его нравственную жизнь, всю его привычку и все его утешенье» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 589].

Сергей Геннадьевич Нечаев (1847–1882)

ся не на выдуманный и идеальный народ, а на реальный, потому и нельзя навязывать истории вычитанные из книг схемы. Теперь о таких проповедниках Герцен пишет: «Старые студенты, жившие в отвлеченьях, они ушли от народа дальше, чем его заклятые враги. Поп и аристократ, полицейский и купец, хозяин и солдат имеют больше прямых связей с массами, чем они» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 589].

Утверждая сложность исторического процесса, Герцен высказывает сомнение в правомерности тотального разрушения прошлого, и прежде всего искусства и культуры:

Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной (курсив мой. — В. К.). Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего бывшего и нажитого сделает скучную мастерскую (...).

И кто же скажет без вопиющей несправедливости, чтоб и в былом и отходящем не было много прекрасного и что оно должно погибнуть вместе с старым кораблем.

[Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 581]

Традиции Герцена в этой борьбе за культуру тем более остаются актуальными, что сам он, будучи человеком весьма разносторонне и широко образованным, готов был поначалу принять «грядущих гуннов», принять и одобрить разрушение нового Рима — Европы и петербургской России, но его посетил своего рода исторический страх, историческое прозрение. В призывах и действиях Нечаева и Бакунина он увидел страшные слова, привидевшиеся Валтасару: «И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему» (Дан. 5:25–26). Он испугался, понимая и степень своей вины в этом. Тем взвешеннее и точнее прозвучали его слова, ибо были глубоко лично пережиты и перечувствованы.

Но не забудем, что модель поведения Нечаеву предложил все-таки Герцен. По сути дела, Герцен — один из первых удачливых шоуменов, создавших миф своей жизни. Беда была в том, что уже после смерти Герцена Нечаев продолжал действовать, используя все то же оружие — миф, ложь, шантаж. Запугивал Наташу, дочь Герцена, желая герценовских денег, угрожая, что, если она вернется в Россию, «нашим придется так или иначе с вами покончить» [Дневник Н. А. Герцен, 1985, с. 454]. Эти мифические «наши» (термин из «Былого и дум», но в уголовно-революционном варианте угаданные Достоевским в «Бесах») были продолжением лживой нечаевской легенды. Разоблачил и выявил его сущностную основу как основу будущей деятельности «наших» благороднейший Г. А. Лопатин, написавший Бакунину: «Все рассказы Нечаева есть чистая ложь» [Г. А. Лопатин — М. А. Бакунину, 1985, с. 482]. То, что можно было объяснить писательской фантазией Герцена, в устах Нечаева приобрело дьявольский оттенок провокации стремящегося к власти деспота. Более того, в словах Лопатина о Нечаеве можно невольно разглядеть парафраз к «Запискам сумасшедшего» Гоголя: «Сегодняшний день — есть день величайшего торжества! В Испании есть Король. Он отыскался. Этот Король я» [Гоголь, 2009, с. 217]. Королем, точнее, императором, властелином чувствует себя и Нечаев. Лопатин пишет:

И почему это Нечаев воображает, что каждый человек, подобно ему, должен говорить про себя непременно «мы»? Смею его уверить, что, кроме его, только одни императоры выражаются так глупо! И почему Нечаев вообразил также себя, что все люди, подобно ему, только и думают, что о том, как бы им держать других людей «в руках»? Еще раз смею уверить Нечаева, что это опять-таки императорская замашка; большинство порядочных людей хлопочет только о том, чтобы их самих никто в руках не держал.

[Г. А. Лопатин — М. А. Бакунину, 1985, с. 485]

Впрочем, первым испанским королем все же был Герцен, назвавший себя Искандером, то есть Александром Македонским, да еще давшим при этом на Воробьевых горах знаменитую «аннибалову клятву», о которой он никогда не забывал.

Отказ новых радикалов от «слова» ради «дела» доказывал Герцену их духовную несостоятельность: «Как будто *слово* не есть *дело*? Как будто время *слова* может пройти? Враги наши никогда не отделяли *слова* и *дела* и казнили за *слова* не только одинаким образом, но часто свирепее, чем за *дело*. (...) Расчленение *слова* с *делом* и их натянутое противуположение не вынесет критики,

но имеет печальный смысл как признание, что все уяснено и понято, что толковать не о чем, а нужно исполнять» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 587]. На упреки, что он, по сути, защищает капитал, Герцен отвечал, что он защищает «капитал, в котором оседала личность и творчество разных времен» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 593]. Еще несколько лет назад он полемизировал с Чернышевским по поводу Древнего Рима, оправдывая варварство древних германцев и полагая, что новая идея может утвердиться только на расчищенном поле, на развалинах. С германцами пришла и утвердилась новая идея — христианство, теперь на развалинах европейской цивилизации должен утвердиться социализм. Чернышевский возражал тогда, что новые социальные идеи, если они хотят быть истинными, возможны только на основе достижений мировой цивилизации, не на уничтожении прошлых богатств, а на приумножении их. Герцену казалось, что без тотального разрушения нельзя. Но сила его как личности была в том, что, видя развитие жизни, убеждаясь опытом в своей неправоте, он не боялся сказать это открыто: «Честно мы не можем брать на себя ни роль Атилы, ни даже роль Антона Петрова. (...) Дикие призывы к тому, чтобы закрыть книгу, оставить науку⁴ и идти на какой-то бессмысленный бой разрушения, принадлежат к самой неистовой демагогии и к самой вредной» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 588, 592]. Чернышевский оказался прав, и Герцен, по сути, объединяется с ним, нигде его не называя, когда выступает против разрушительных анархистских идей, отстаивая завоевания цивилизации: «Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те *пределы* сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях... с начала цивилизации» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 593]. И искусство, которое он считал истинно революционным явлением в духовной жизни человечества, как раскрепощающее личность, не может быть подвергнуто уничтожению: «Довольно христианство и исламизм наломали древнего мира, довольно Французская революция наказала статуи, картины, памятников, — нам не приходится играть в иконоборцев» [Герцен, 1954–1966, т. XX, кн. 2, с. 593].

Поначалу бесы, услышав о последнем тексте Герцена, испугались. На бланке «Народная расправа» Нечаев отправил Наталии Алексеевне Тучковой-Огаревой и сыну Герцена письмо:

⁴ Так, Бакунин, обращаясь к молодым радикалам (март 1869), писал в памфлете «Несколько слов к молодым братьям в России»: «Не хлопчите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же новая и живая несомненно народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа» [Революционный радикализм в России, 1997, с. 213].

У з н а в, что фамилия, когда-то бывшего русского деятеля Герцена, думает начать издание сочинений покойного выпуском тех его статей, которые писаны им незадолго до смерти, в те дни, когда, отдалившись от активного участия в деле, началу которого он более всех содействовал, покойный переживал тот внутренний разлад между мыслью и положением, что составляет неотделимую принадлежность предшествующего поколения (...),

М ы з а я в л я е м, что эти статьи столько же противоположны его прежним, несомненно, даровитым произведениям, сколько и всему современному настроению молодых умов в России, и что сам Герцен никогда бы не согласился издать эти произведения в настоящее время. (...)

Высказывая наше мнение гг. издателям, *мы вполне уверены, что они, зная с кем имеют дело и понимая положение русского движения, не принудят нас к печальной необходимости действовать менее деликатным образом* (курсив мой. — В. К.).

[Литературное наследство, 1941, т. 41/42, с. 163]

Семья Герцена поступила мужественно и текст опубликовала.

Герцен был среди тех, кто своими идеями инициировал движение молодых радикалов, которые от его слов перешли к кровавым действиям. Остановить их ему уже не удалось.

Список источников

Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. 688 с.

Бакунин М. А. Реакция в Германии (Очерк француза) // Бакунин М. А. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 51–73.

Бен-Ами [Рабинович М. Я.]. Мои сношения с М. Драгомановым и работа в «Вольном Слове». Главы 1–4 // Еврейская Старина. 1915. Т. 8. С. 347–366.

Вольтер. Микромегас // Вольтер. Философские повести. М.: Правда, 1985. С. 123–142.

Г. А. Лопатин — М. А. Бакунину (Париж, 20 мая 1870 г.) // Литературное наследство. М.: Наука, 1985. Т. 96: Герцен и Запад. С. 481–487.

Герцен А. И. К старому товарищу // Герцен А. И. Избранные труды / сост. автор вступ. ст. коммент. В. К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2010. С. 695–712.

Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: АН СССР, 1954–1966. 30 т.

Гоголь Н. В. Ключки из записок сумасшедшего // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3. С. 205–222.

Дневник Н. А. Герцен // Литературное наследство. М.: Наука, 1985. Т. 96: Герцен и Запад. С. 440–462.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем в тридцати пяти томах. СПб.: Наука, 2016. Т. 6: Преступление и наказание. 476 с.

Катков М. Н. Заметка для издателя «Колокола» // Катков М. Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 328–345.

Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 41/42: А. И. Герцен. Кн. II. 635 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХД, 1958–1962. 10 т.

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. 576 с.

Рейнгардт Н. В. Н. Г. Чернышевский (По воспоминаниям и рассказам разных лиц) // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1982. С. 380–397.

Розанов В. В. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. 477 с.

Розениток-Хюсси Ойген. Великие революции. Автобиография западного человека. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1999. 646 с.

Т. Н. Грановский — Герцену // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 62: Герцен и Огарев. [Кн.] II. С. 86–104.

Тютчев Ф. И. 14-ое декабря 1825 // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. М.: Издательский центр «Классика», 2002. Т. 1. С. 56.

Ульянов Алексей. Александр Герцен в Вятке: во власти черного Эрота. 28 марта 2013. URL: <https://leninstreet.livejournal.com/122629.html> (дата обращения: 01.02.2024).

Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. 655 с.

Чичерин Б. Н. Письмо к издателю «Колокола» // Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 366–371.

References

Annenkov, P. V. (1989) *Literaturnye vospominaniya [Literary memoirs]*. Moscow: Pravda.

Bakunin, M. A. (2010) “Reaktsiya v Germanii (Ocherk frantsuza)” [“Reaction in Germany (An essay by a Frenchman)”], in Bakunin, M. A. *Izbrannyye trudy [Selected works]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 51–73.

Ben-Ami [Rabinovich, M. Ya.] (1915) “Moi snosheniya s M. Dragomanovym i rabota v «Vol’nom Slove». Glavy 1–4” [“My relations with M. Dragomanov and work in ‘Free Speech’. Chapters 1–4”], *Evreiskaya Starina [Jewish Antiquity]*, 8, pp. 347–366.

Vol'ter (1985) "Mikromegas", in Vol'ter. *Filosofskie povesti [Philosophical stories]*. Moscow: Pravda, pp. 123–142.

Lopatin, G. A. (1985) "G. A. Lopatin — M. A. Bakuninu (Parizh, 20 maya 1870 g.)" ["G. A. Lopatin — M. A. Bakunin (Paris, May 20, 1870)"], in *Literaturnoe nasledstvo. Tom 96: Gertsen i Zapad [Literary heritage. Vol. 96: Herzen and the West]*. Moscow: Nauka, pp. 481–487.

Gertsen, A. I. (2010) "K staromu tovarishchu" ["To an old comrade"], in Gertsen, A. I. *Izbrannye trudy [Selected works]*. Compilation, introductory article, comments by V. K. Kantor. Moscow: ROSSPEN, pp. 695–712.

Gertsen, A. I. (1954–1966) *Sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Collected works: in 30 vols]* (30 vols). Moscow: AN SSSR Publ.

Gogol', N. V. (2009) "Klochki iz zapisok sumasshedshego" ["Scraps from the notes of a madman"], in Gogol', N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 tomakh. Tom 3 [Complete collection of works and letters: in 23 vols. Vol. 3]*. Moscow: Nauka, pp. 205–222.

Gertsen, N. A. (1985) "Dnevnik N. A. Gertsen" ["Diary of N. A. Herzen"], in *Literaturnoe nasledstvo. Tom 96: Gertsen i Zapad [Literary heritage. Vol. 96: Herzen and the West]*. Moscow: Nauka, pp. 440–462.

Dostoevskii, F. M. (2016) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridtsati pyati tomakh. Tom 6: Prestuplenie i nakazanie [Complete works and letters in 35 vols. Vol. 6: Crime and punishment]* St. Petersburg: Nauka.

Katkov, M. N. (2009) "Zametka dlya izdatelya «Kolokola»" ["A note for the publisher of 'The Bell'"], in Katkov, M. N. *Ideologiya okhranitel'stva [Ideology of protection]*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii [Institute of Russian Civilization], pp. 328–345.

Literaturnoe nasledstvo. Tom 41/42: A. I. Gertsen. Kniga II [Literary heritage. Vol. 41/42: A. I. Herzen. Book II] (1941) Moscow: AN SSSR Publ.

Pushkin, A. S. (1958–1962) *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh [Collected works: in 10 vols]* (10 vols). Moscow: GIKhD.

Rudnitskaya, E. L. (ed.) (1997) *Revolutsionnyi radikalizm v Rossii: vek devyatnadsyati. Dokumental'naya publikatsiya [Revolutionary radicalism in Russia: 19th century. Documentary publication]*. Moscow: Arkheograficheskii tsentr [Archeographic Center].

Reingardt, N. V. (1982) "N. G. Chernyshevskii (Po vospominaniyam i rasskazam raznykh lits)" ["N. G. Chernyshevsky (According to the memoirs and stories of different persons)"], in *N. G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov [N. G. Chernyshevsky in the memoirs of contemporaries]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 380–397.

Rozanov, V. V. (2001) *Literaturnye izgnanniki: N. N. Strakhov, K. N. Leont'ev [Literary exiles: N. N. Strakhov, K. N. Leontiev]*. Moscow: Respublika.

Rozenshtok-Khyussi, Oigen (1999) *Velikie revolyutsii. Avtobiografiya zapadnogo cheloveka* [Great revolutions. Autobiography of a Western man]. Moscow: Bibleiskobogoslovskii institut sv. apostola Andrey a [Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle].

Granovskii, T. N. (1955) “T. N. Granovskii — Gertsenu” [“T. N. Granovsky — Herzen”], in *Literaturnoe nasledstvo. Tom 62: Gertsen i Ogarev. Kniga II* [Literary heritage. Vol. 62: Herzen and Ogarev. Book II]. Moscow: AN SSSR Publ., pp. 86–104.

Tyutchev, F. I. “14-oe dekabrya 1825” [“December 14th, 1825”], in Tyutchev, F. I. *Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma v shesti tomakh. Tom 1* [Complete works and letters in 6 vols. Vol. 1]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Klassika» [Publishing Center “Classics”], p. 56.

Ul'yanov, Aleksei (2013) *Aleksandr Gertsen v Vyatke: vo vlasti chernogo Erota* [Alexander Herzen in Vyatka: at the mercy of the black Eros]. Available at: <https://lenin-street.livejournal.com/122629.html> (Accessed: 01 February 2024).

Chaadaev, P. Ya. (1989) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.

Chicherin, B. N. (1998) “Pis'mo k izdatelyu «Kolokola»” [“Letter to the publisher of ‘The Bell’”], in Chicherin, B. N. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. St. Petersburg: Nauka, pp. 366–371.

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02.2024;
одобрена после рецензирования 01.03.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 18.02.2024;
approved after reviewing 01.03.2024;
accepted for publication 10.03.2024.